

Гарри повернулся и впервые вошёл в семейное хранилище. Там было то, что можно было назвать горами золотых галеонов, занимавших около трёх четвертей массивной комнаты, которая была размером примерно с хранилище Блэков, но его внимание было приковано не к золоту.

Он смотрел только на другую часть хранилища, где, как Поттер мог видеть, находились много аккуратно сложенных сундуков и портретов. Не задумываясь, Гарри направился в тот угол и стал перебирать вещи, оставленные разными членами семьи.

Арктурус внимательно наблюдал за подростком и видел в нём мальчика, который больше всего на свете хотел иметь семью. Любой другой ребёнок набил бы свои карманы золотом, сколько мог унести, но только не юный Поттер.

Блэк мог видеть, каким человеком его подопечный становится. Он заботился не о материальных благах, а о богатстве чувств. Арктурус незаметно кивнул в знак одобрения молодому человеку, который оказался намного лучше, чем думал он сам. Гарри не был обычным ребёнком. Он был мальчиком, повидавшим лишения и пережившим ужасную жизнь, и все, чего он жаждал — это семья, семья, которую у него отняли.

Уже много лет Арктурус не испытывал настоящей печали, но, видя воочию, как мальчик хочет иметь семью, он почувствовал приступ тоски, и это ему очень не понравилось.

Подойдя к углу, Блэк увидел, что Гарри смотрит на фотографию, которую он узнал.

— Это твои бабушка и дедушка вскоре после свадьбы, — сказал Арктурус, заставив Гарри подпрыгнуть от неожиданности.

Гарри просто кивнул, не веря себе, что может говорить. Обитатели фотографии улыбались ему, выглядя по-настоящему счастливыми. На сердце Гарри потеплело от осознания того, что были времена, когда его семья была счастлива, и не все всегда было для них так катастрофично, как это случилось с ним.

От размышлений его отвлек Арктурус, протягивая ему ещё одну фотографию, которую он вытащил из стопки.

Гарри посмотрел на протянутую фотокарточку и не смог больше сдерживать нахлынувшие эмоции, и одна слеза вырвалась у него и медленно потекла по щеке. Это была фотография его родителей, бабушки и дедушки. На руках у бабушки Гарри увидел маленький свёрток, завернутый в белое одеяло, который мог быть только им.

Его дедушка стоял рядом с бабушкой, обхватив её за плечи, и выглядел очень гордым. Все обитатели дома радовались новому пополнению в семье, и эмоции, которые испытывал Гарри, переполняли его.

Он почувствовал руку на своём плече и, подняв глаза, увидел Арктура, который смотрел на него со своим обычным бесстрастным выражением лица.

— Используй это, — сказал Блэк. — Используй то, что ты чувствуешь, чтобы почтить свою семью, используй это, чтобы отомстить за преступления, совершенные против них всех, — сурово и с намёком на гнев закончил он.

Гарри смог лишь слабо кивнуть в ответ, но, судя по реакции Блэка, этого было недостаточно. Арктур резко развернул его, схватил за оба плеча и пронзительно посмотрел ему в глаза.

— За что стоит бороться? — потребовал он. — За волшебный мир? Ради твоих друзей? Или ради себя? — спросил он.

Гарри задумался над тем, о чем его спрашивают, и был удивлён своим выводом.

Волшебный мир всегда был непостоянен для него, в один момент он был героем, а потом злодеем. Обыватели были послушными овечками и в один миг отвернулись бы от тебя, если бы дела пошли плохо и тебя сочли бы виноватым. Нет, он не стал бы сражаться за них.

Его друзья оказались такими же непостоянными, несмотря на то, что знали его, особенно в последний год. Рон открыто называл его лжецом и обвинял в обмане, и, хотя Гермиона ничего не говорила, он всегда видел, что она сомневается в нём.

Он нахмурился от этих мыслей.

Вся школа ополчилась против него, и даже профессора с трудом поверили, что он не по своей воле участвует в Турнире. Как бы ему ни хотелось сражаться за своих друзей, он не мог заставить себя сделать это.

Гарри задумался о своих собственных причинах.

Он всегда был бескорыстным и редко делал что-то для себя и по собственным причинам. Всегда казалось, что то, что он делает, идёт на пользу всем остальным. Поттер нахмурился от этой мысли, но не мог остановить её, проигрывая снова и снова в своём сознании. Что он мог бы получить для себя, если бы сражался по своим собственным причинам? Свободу, нормальную жизнь, отсутствие Волдеморта, мир и месть за свою семью, разорванную на части Риддлом и его режимом. Мысль о том, что Риддл сделал с его семьёй, возмутила его, и он задрожал от ярости и стиснул зубы.

— Я сражаюсь за себя и свою семью, — сказал он почти со стыдом.

— Тебе не должно быть стыдно за свои причины, они твои, и это все, что имеет значение, — твёрдо сказал Арктур. — Твой дед ответил бы так же, если бы был сейчас на твоём месте,

зная, что было сделано с теми, кого он любил, — добавил он. — Ты борешься за то, что кажется тебе правильным, и ты борешься всем, что у тебя есть, слышишь меня? Вспомни, что сказал тебе твой дед, вспомни, что ты видел в тех воспоминаниях, и ты уже на полпути к цели, — закончил он, не отводя взгляда.

<http://tl.rulate.ru/book/57088/2108823>